

Качество: созидательный труд

ПЯТЬ ДНЕЙ

Елена Дубровская

День первый

– Вот вляпался! Спасибо родителям... Восьмой класс – и новенький! Да ещё и в этой дыре, хорошо хоть Москва рядом, – телефонный разговор Максима был прерван лёгким ударом его правой ноги обо что-то горячее.

– Я перезвоню, – Максим положил телефон в карман и посмотрел под ноги. На его носке расположился румяный, горячий блинчик, из которого потихоньку на траву вываливалась капуста. Он только успел его стряхнуть с ноги, как откуда-то сверху послышался звонкий девчачий голос:

– Держи! Футболку подставь, я буду бросать!

Максим поднял голову вверх и увидел две тонюсенькие ручки, держащие такого же крошечного котенка.

– Вы мне?

– А кому же ещё. Лови его в футболку.

И руки приготовились кинуть вниз этот мяукающий комочек пуха. Максим только успел подхватить котенка, как вслед за ним с дерева прыгнула такая же крошечная девчонка. Всё в ней было тонюсеньким, хрупким, кроме огромных серых глаз, которые сразу уставились на Максима.

– Ты понимаешь, что ты блинчик Клавдии Сергеевны уничтожил?

Максим ещё не успел прийти в себя от ловли котенка, который уже успокоился и притих в его руках, а тут претензии.

– А в Красногорске все такие вежливые – вместо благодарности наезжают сразу?

– А-а-а, ты не местный...

– Теперь местный.

Максим чувствовал себя совершенно глупо, стоя здесь с котенком под прицелом этих пронзительных глаз.

– На, держи его. Мне надо идти, – он протянул ей почти заснувшего котенка, но вместо того, чтобы принять его, эта девчонка стала собирать в тарелку разбросанные куски бывшего блина.

– Ладно, птицам покрошу. С тебя блин.

Вдруг её лицо озарила мысль, и она показала своей ручкой-верёвочкой на дом, виднеющийся сквозь листву парка:

– Пожалуйста, отнеси его в 112-ю квартиру. Там целая трагедия. А я тогда успею что-нибудь Клавдии Сергеевне приготовить. Спасибо тебе большое!

И она, не дождавшись протеста, который готовился вырваться из Максима, побежала. Остановилась, обернулась и закричала: «С прибытием в Красногорск! Тебе здесь понравится!»

– Понравится, это когда ты никого не трогаешь, и тебя никто не трогает. Все живут замечательно, параллельно. А когда в первый свой день в этом городе звонишь в незнакомую квартиру с чужим котёнком на руках...

Теперь телефонный разговор Максима прервала буря эмоций, которая сначала занесла его в квартиру, потом на кухню, закружила в объятиях и счастливых детских визгах. Так как вырваться из этого потока восторга не было никакой возможности, Максим был вынужден пить чай, отвечать на вопросы, фотографироваться со всеми, включая котенка, и обещать быть частым гостем большой и дружной семьи Прохановых.

Через час он заходил домой, в свою новую квартиру. Мама расставляла книги на полки и, вытащив из коробки фотоаппарат, протянула его сыну.

– Как прогулялся?

– Без комментариев, – Максим взял фотоаппарат и закрылся в комнате.

День второй

– Друзья мои! Лето прошло быстро, а впереди нас ждёт учебный год, с которым я вас и поздравляю. А теперь открываем свои учебники...

Наталья Юрьевна говорила, что-то отмечала в журнале, а её левая рука искала нужную страницу в учебнике по литературе для восьмого класса. Ребята всегда увлеченно смотрели на её способности и называли свою классную Цезарина, как производное от Юлий Цезарь. Но в этот самый момент демонстрации её многоплоскостного действия в класс вошла завуч школы, а за ней Максим. Лицо его выражало смесь скуки и высокомерия.

– Наталья Юрьевна, я вам нового ученика привела. Знакомьтесь, Максим Поляков. Кстати, увлекается фотографией.

В классе приветливо зашумели, причем исключительно девчонки. Цезарина встала со своего места:

– Спасибо, Ольга Викторовна. Максим садится... – она обвела взглядом класс, и от её внимания не ускользнуло, как Маша Иноземцева вытолкнула своего соседа Лёшу Горелова на заднюю парту, – иди, садись к Маше Иноземцевой.

Максим лениво перевел взгляд с Натальи Юрьевны на свободное место и вдруг упёрся в цепкий взгляд тех самых огромных серых глаз. Кто бы мог подумать, что эта пигалица учится в этой же школе, в этом же классе и мало этого – с ней ещё и за одной партой сидеть! А, судя по вчерашнему дню, общение с ней покоя не принесёт. Максим обреченно сел за парту. Маша сияла.

– Привет! После уроков пойдём за блином и к Клавдии Сергеевне.

Максим, обычно сдержанный парень, равнодушный ко всему окружающему, вдруг неожиданно для себя остро отреагировал:

– Ты сумасшедшая?! Я не знаю никакой Клавдии Сергеевны и хочу только одного – чтобы ты оставила меня в покое.

Маша посмотрела на Максима так удивлённо и по-доброму, что совсем его обескуражила:

– Хорошо. Только блинчик купи, а я его ей сама отнесу.

Максим смотрел на неё и не понимал, как реагировать. Проще было купить блин и закрыть, наконец, эту историю.

На перемене Максима обступили девчонки, подошла Наталья Юрьевна, и они доходчиво объяснили, почему его так бурно встретили в классе. В городе проходит конкурс фотографий «Я люблю Красногорск». Они придумали истории, достали наряды, осталось только найти фотографа. А теперь всё сложилось прекрасно, потому что фотограф будет учиться в их классе. Так же восторженно они назначили фотосессию на воскресенье, и отказаться у Максима не было никакого шанса.

Что происходит? Этот вопрос крутился в голове Максима в течение десяти минут, пока они с Машей покупали блинчик. Два дня в Красногорске превратили его жизнь в хаос. Принципы «никому ни до кого нет дела» и «мне всё пофиг» совершенно перестали работать.

Он, конечно, мог отказаться от фотосессии в воскресенье, мог наплевать на этот блинчик, но так начинать своё пребывание на новом месте Максим посчитал неразумным.

– Ты в знаки веришь? – этот вопрос вернул его в действительность.

– Нет.

– Значишь, поверишь. У тебя фамилия Поляков.

– Где связь? Ты понимаешь, что для меня твои слова – полный бред?

В это время они подошли к ларьку с блинами, и Максим заказал блин с капустой. Маша, не обращая внимания на его выпады и плохое настроение, продолжала говорить:

– У нас здесь давно, ещё до революции, жили Поляковы.

– Поляков – распространенная фамилия. Они везде живут.

– Да, но не все делают для других столько, сколько сделали они. У нас даже больница, которую они построили, до сих пор работает.

– Поверь, что у меня с ними, кроме фамилии, больше совпадений нет.

– Есть. Ты всегда, как бы случайно, оказываешься там, где нужна помощь.

– Ты правда сумасшедшая?! – Максим просто оторопел. Хорошо, что в этот момент был готов блинчик. Он протянул его Маше, и вдруг раздался её радостный вопль:

– Дядя Володя!

Маша уже мчалась навстречу крепкому пожилому мужчине, рука которого сжимала довольно большой саженец дерева. Он был усеян маленькими ровными яблочками. Второй раз Максим почувствовал себя глупейшим образом. Стоя с блином в руке, он смотрел на весёлых Машу и этого дядю Володю, которые направлялись к нему и явно говорили о нём.

– Владимир Михайлович, – Максим пожал большую мозолистую руку и подумал, что никогда не видел таких крепких рук. – Маша о тебе тут нарасказывала. Недавно в городе, а сразу включился в нашу жизнь. Молодец! Маш, а вот тебе и помощник на субботнике.

– А Максим – фотограф, – значительно произнесла Маша.

– Вот и хорошо, – Владимир Михайлович сразу оживился, – жителям приятное сделаем. Побольше фотографируй крупных планов. Они у нас все красивые, а когда в труде – и вовсе залюбуешься. Ладно, молодёжь, мне пора. Ты давай, бери у него тарелку, а ты, Максим, держи яблоню. Машка её целый год ждала.

Владимир Михайлович по-хозяйски вручил Максиму саженец и ушёл. Маша проводила его задумчивым взглядом, но к Максиму обернулась с задорной улыбкой.

– Он тебе дядя?

– Нет. Мы в одном доме живем. Ну что? Сейчас к Клавдии Сергеевне, а потом ко мне, яблоню сажать?

Брови Максима непроизвольно поднялись вверх.

– Я – раб лампы?!

– Ты – Поляков!

Когда на тебя смотрит большими глазами доброта, смягчится любое сердце. А ситуация была и вправду такая комичная, что лицо Максима впервые украсила не усмешка, а улыбка.

Клавдия Сергеевна оказалась очень старенькой бабушкой, героем Великой Отечественной войны и Героем труда. За последний год она почти ослепла и не выносила резких и громких звуков. Маша приходила к ней два раза в неделю и выводила на тихую скамейку, где редко ходили люди, и не было слышно машин. А часа через два возвращалась и провожала её домой. А всякие блинчики и оладушки – это был Машкин, как она говорила, приятный бонус.

Максим шёл домой, когда на улице уже потемнело, и город осветил мягкий, тёплый свет, делающий всё вокруг таким уютным и домашним. Он шёл и вспоминал, с какой любовью Маша сажала свою яблоню.

– Зачем она тебе? Её завтра же утром обнесут.

– Обнесут. Зато лет через десять на ней будет столько яблок, что всем хватит.

День третий

– Не получится. На следующих выходных точно смогу.

Максим убрал телефон и вскинул привычным движением фотоаппарат. Вот уж никогда не предполагал, что социальный репортаж может быть таким захватывающим. Старое выражение, что можно бесконечно долго смотреть на три вещи, огонь, воду и как люди работают, Максим осознал на практике. А смотреть в объектив фотоаппарата на лица людей, увлечённых одним общим делом, да ещё таким как преобразование места, в котором ты живешь, это завораживает! В этих лицах столько искренности, правды. Он увидел здесь и своих

одноклассников, и Цезарину, делающую одновременно несколько дел. Кто-то красил лавочки, кто-то подметал, кто-то сажал, некоторые очень упорядоченно перемещались с лестницами, ведрами и лопатами, равномерно распределяясь в пространстве. Всё вокруг было живым и радостным. Семья Прохановых выставила с балкона колонку, и все стали двигаться и улыбаться в такт какой-то старой доброй песне.

Но, как всегда, его размышления прервала Маша:

– Пойди, помоги дяде Володе. Он храбрится, а ему тяжёлое совсем поднимать нельзя.

Владимир Михайлович нес два ведра, заполненных песком, а в песочнице его уже ждали малыши, постукивая совочками. Максим взял одно ведро и понёс к детской площадке.

– Разгребай, молодёжь!

Владимир Михайлович высыпал песок в песочницу, и несколько малышей кинулись распределять его по всей песочнице. Дядя Володя повернулся к Максиму и стал говорить немного заговорщическим шепотом.

– Ты парень хороший. Поэтому за Машкой следи. Смотри, какая она маленькая, а взваливает на себя, как хороший мужик. Видишь – подойди будто случайно, помоги.

Максим отыскал Машу глазами и увидел, как она своими тонюсенькими ручками уже который раз пытается вонзить лопату в землю. И вот ей удаётся пробить немного земли, и она, довольная, обернулась, чтобы поделиться с кем-нибудь радостью своей победы. В этот момент она увидела Максима, а он успел сделать эту удивительную фотографию радости труда.

Максим взял из её рук лопату и быстро вскопал землю вокруг дерева.

– Как поживает яблонька? Хоть одно яблоко осталось?

– Нет.

– Ты этому рада?

– Да.

– Я же говорил, что ты странная.

– Нет, ты по-другому говорил, но так мне тоже нравится.

День четвертый

Фотосессия была назначена в невероятно красивой усадьбе Архангельское. Девчонки принесли огромные платья, которые хорошо вписывались в неповторимую атмосферу

старинны, величие архитектуры и грациозность парков. Маша вызвалась быть в этой истории костюмером и помощником фотографа. Она то и дело бегала, поправляла наряды, что-то пришивала, поила всех травяным чаем, заранее принесённым в термосе, и создавала всем прекрасное настроение.

Поздно вечером Максим провожал её домой и думал, что в это невозможно поверить, но эту искристую, неунывающую девчонку он знает всего четыре дня.

День пятый

На следующий день в школу Маша не пришла, и пустующее место рядом с Максимом сразу стало чужим и далёким. Наталья Юрьевна спросила, знает ли кто-нибудь, где Маша – никто из ребят не знал. Проходя после школы мимо её дома и случайно взглянув на яблоню, Максим неожиданно для себя решил зайти к Маше домой. Ему никто не открыл. Соседи тоже семью Иноземцевых с самого утра не видели.

Максим шёл и твердил, что ничего не могло случиться, вчера было всё нормально. «Куда-то срочно уехала с родителями, а я нагнетаю ситуацию...» Вот в таких рассуждениях он очутился возле квартиры Клавдии Сергеевны и позвонил в дверь. Но Маши там тоже не было, зато Клавдия Сергеевна так обрадовалась приходу Максима, что уже через минуту стояла у двери в туфлях и с тростью. Выхода не было, и ему пришлось отвести милую бабушку на любимую скамейку.

«Надо стряхнуть с себя это помутнение, и как-то развеяться», – думал Максим, а рука уже набирала номер старого друга. Потом он купил себе большой хот-дог, сел в парке и включил в наушники свой любимый рок. Старая жизнь возвращалась, больше ни котят, ни блинчиков, ни субботников. Ни-че-го!

Вечером, когда Максим поудобнее устроился на кровати, включил музыку и пододвинул к себе ноутбук, за окном прогремел гром. Дождь. Первый осенний дождь большими косыми каплями залетал в форточку. Максим встал её закрыть. Вот тут, в эту самую минуту, его мозг нестерпимо больно пронзила одна единственная мысль – Клавдия Сергеевна! Он бежал по дождливому городу, и ему казалось, что каждый фонарь, каждая лавочка смотрят на него с укором. «Только бы она была дома. Кто-то шёл, увидел её и отвел домой. Пусть будет так!!!» Но уже издали он увидел маленькую, сгорбленную старушку, сидящую на краю лавочки под проливным дождём.

– Клавдия Сергеевна, простите! Простите меня, пожалуйста! – Максим не заметил, что кричит.

– Всё хорошо. Всё хорошо. Ничего. Бывает. Пойдём домой. Пойдём, проводишь меня.

Она успокаивала его! Его сердце, может быть впервые, сжималось от сострадания к этой старенькой, но очень сильной женщине.

Они зашли в её квартиру, и Максим почувствовал, что он должен что-то сделать для неё, пусть незначительное, но сделать.

– Клавдия Сергеевна, давайте я Вам помогу. Может быть лекарство, какие-то капли нужно накапать?

– Нет, не надо. Я уже тут всё сама сделаю. А капли мне не нужны. У меня ведь только глаза вот ослепли, а сердце-то ещё ровно бьется, не то что у Машеньки.

– У Маши?! – и вот второй раз боль пронзила Максима. Будто он чувствовал что-то плохое, но не верил себе до конца, не хотел верить.

– Машенька слабенькая родилась, да ещё и с больным сердцем. Придёт и всё говорит: «Я когда что-нибудь делаю, значит живу. Столько, сколько вы сделали, я не успею, но стараться, Клавдия Сергеевна, буду». Вот и старается. Трудится, словно пчёлка, а ей ведь любые нагрузки запрещены. Ты уж следи за ней, присматривай.

– Хорошо. Я пойду, а то уже поздно.

– Беги, весь тоже мокрый. Подожди, возьми зонтик. Он у меня в цветочек, но там же темно, кто увидит.

– Спасибо. Не надо, мне тут рядом. Спокойной ночи.

Максим шёл под проливным дождём и казалось, что по его лицу стекают не только капли дождя.

Эпилог

Зал был заполнен до отказа. С большого экрана смотрели счастливые жители Красногорска, ведущие объявляли победителей, и со сцены звучали слова благодарности. Но вот и опоздавшие. Максим вместе с Клавдией Сергеевной вошли в зал, и он посадил женщину на заранее приготовленное место в первом ряду к его одноклассникам, которые были в таком приподнятом настроении от ожидания увидеть себя на экране, что Наталье Юрьевне

периодически приходилось бросать на них многозначительные взгляды. Немного дальше сидели и Владимир Николаевич, и всё семейство Прохановых, и уже такие знакомые лица этого маленького доброго города. Максим сел рядом со своими родителями и стал наблюдать за всем происходящим, пока не услышал свою фамилию.

– Гран-при конкурса присуждается Максиму Полякову за фотографию «Маша».

И на экране появились эти огромные серые глаза, счастливые от возможности сделать что-то для своего города, пусть даже такое незначительное, как вскопать землю вокруг дерева во дворе, но от всего сердца, со всей любовью.

Максим поднялся на сцену, взял у организаторов приз и подошёл к микрофону. Он заговорил не сразу, будто собирался с силами или подыскивал нужные слова.

– Большое спасибо за оценку этой фотографии. Но только эти аплодисменты должны звучать не мне, а Маше Иноземцевой. Она сейчас в Москве, её ждёт операция на сердце, но, когда Маша поправится, а она обязательно поправится, я передам ей этот приз.

Максим сделал паузу, и в этой паузе было больше смысла, чем в любой речи.

– Я ей скажу, что такие, как она, помогают таким, как я, многое понять. Для Маши любить свой город – это значит делать, трудиться, всех спасти, всем помочь. Она – настоящая. И любовь её – настоящая...